

УДК 911.3:32(479)

ГРАНИЦА РОССИИ С АБХАЗИЕЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИЕЙ В ЧЕТЫРЕХ МАСШТАБАХ (АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

© 2016 г. Т.А. Галкина, Ф.А. Попов

*Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: ta@df.ru, fpopov15@gmail.com*

Поступила в редакцию 22.12.2015 г.

Статья посвящена изучению общественных представлений об “абхазском” и “югоосетинском” участках границы Российской Федерации посредством анализа соответствующего дискурса, формируемого “Независимой газетой”. В основу исследования легла база данных публикаций, собранная в ходе сплошного контент-анализа издания за три периода: 1994–1995, 2000–2003 и 2008–2012 гг. Нечеткость юридического статуса спорных отрезков границы обуславливает множественность подходов к их восприятию. Выделено четыре базовых образа границы, соответствующие четырем масштабным уровням дискурса: граница России и Абхазии/Южной Осетии, граница России и Грузии, граница России и Запада, граница Северного и Южного Кавказа. Разные уровни дискурса могут отражать разные точки зрения на конфликт (российская, грузинская, абхазская/югоосетинская), отличаться по характеру пространственного восприятия границы (линия или полоса) и т.п. В каждом сегменте дискурса доминирует свой набор узловых мотивов. Некоторые мотивы выступают как “вертикальные” (сквозные), в видоизмененной форме участвуя в образовании дискурса на каждом уровне (интеграция России и Южной Осетии – аннексия Южной Осетии Россией – борьба России с Западом за влияние на Южном Кавказе – обеспечение единства кавказского региона). Этим обеспечивается взаимосвязанность образов, единство и структурированность всего исследуемого дискурса.

Ключевые слова: политическая география, лимнология, политическая граница, дискурс, Абхазия, Южная Осетия, Грузия.

Важность исследования социальных представлений о государственных границах не требует специального обоснования. Рассуждения о границе как о символе, в известной мере обособившемся от политической реальности и активно участвующем в ее конструировании, можно встретить у самых разных авторов, от Бенедикта Андерсона [1] до Дмитрия Замятина [3]. Как писал политико-географ Владимир Колосов, “функции границ, а нередко и сама их линия определяются дискурсом и формированием массовых представлений, составивших в последние годы предмет самостоятельного направления в лимнологии” [6, с. 54]. Словом, наряду с изучением того, как граница проявляет себя в политическом, экономическом, социальном пространстве, разумно изучать и то, как эти проявления преломляются в общественном сознании.

Другой вопрос – каким образом это изучать? Можно работать непосредственно с частными

представлениями, выстраивая исследование вокруг результатов опросов общественного мнения¹. Альтернативный вариант состоит в анализе дискурса, представляющего обобщенную и структурированную картину образно-символического поля, окружающего рассматриваемую категорию. Это может быть официальный политический дискурс, проступающий в программных документах, пресс-релизах, заявлениях и интервью представителей власти. Но едва ли не более интересным представляется изучение низового дискурса, создаваемого, в первую очередь, СМИ². Такой дискурс предстает одновременно и продуктом общественного воображения, и одним из его творцов.

¹ Здесь уместно вспомнить многочисленные статьи политико-географов Джона О’Локлина, Джерарда Тоала и Владимира Колосова [4, 14, 15].

² Наглядная демонстрация сравнительных преимуществ изучения двух данных форм политического дискурса – см. [2, 5, 11].

В настоящей статье предлагается попытка исследования массовых представлений об “абхазском” и “югоосетинском” участках границы Российской Федерации посредством анализа соответствующего дискурса, формируемого “Независимой газетой” (далее – НГ). Хотя использование единственного фокусного издания может вызвать некоторые сомнения в репрезентативности полученных результатов, выбор НГ в данном случае позволяет минимизировать опасения. Во-первых, газета выделяется на общем фоне не только идеологической нейтральностью в подаче информации, но и широтой спектра освещаемых позиций, а во-вторых – что особенно важно для представляемого исследования – особое внимание в НГ традиционно уделяется региональным сюжетам.

Достижение поставленной цели требует выполнения следующих задач:

- определение общих рамок дискурса через отбор публикаций, непосредственно влияющих на его формирование;
- выявление основных закономерностей в общей эволюции дискурса через анализ динамики изменения объема отобранных публикаций;
- определение внутренней структуры дискурса на основе анализа формирующих его узловых образов и мотивов;
- выявление сквозных (вертикальных) мотивов, участвующих в видоизмененной форме в образовании дискурса на каждом уровне.

Статья подготовлена по итогам исследования комплексного дискурса российской границы, проведенного в 2013–2014 гг. коллективом сотрудников Лаборатории геополитических исследований Института географии (ЛГПИ ИГ) РАН. В его основу легла база данных публикаций, собранная в ходе сплошного контент-анализа НГ за три периода: 1994–1995, 2000–2003 и 2008–2012 гг. Всего было отобрано 4215 публикаций “границной” тематики, в 574 из которых затрагивалась тема границ Абхазии или Южной Осетии. В создании базы данных и ее первичной обработке принимали участие сотрудники ЛГПИ ИГ РАН В.А. Колосов, А.Б. Себенцов, М.В. Зотова, А.А. Гриценко, А.А. Герцен и авторы данной статьи.

Общая характеристика дискурса. Кавказский участок российской границы – известный камень преткновения для любителей статистики. Почти треть его пребывает в неопределенном состоянии: с позиции Москвы “по ту сторону” располагаются суверенные Республика Абхазия и Республика Южная Осетия, с позиции подавляющего боль-

шинства государств мира – по-прежнему суверенная Грузия. Объективной точки зрения здесь де-юре не существует: нормы международного права определяют государственный суверенитет как функцию от внешнего признания, категории относительной и неуправляемой. И хотя ни Абхазия, ни Южная Осетия сами не являются членами ООН, а их суверенитет признан только четырьмя государствами-членами – т.е. они функционируют как не вполне полноценные государства, квазигосударства – ничто не мешает стать на позиции официальной Москвы и признать за ними требуемый статус³. Тем более, фактическая власть Тбилиси на эти регионы не распространяется.

Как следствие, простой, казалось бы, вопрос – с кем граничим? – нуждается в целом ряде уточнений. Граничим де-юре или де-факто? Если де-юре, то от чьей точки зрения отталкиваться? Ответ не может быть однозначным. Любые события, так или иначе привязанные к данным спорным границам, воспринимаются одновременно, по меньшей мере, в двух ракурсах – по линии “Россия – Грузия” и по линии “Россия – Абхазия/Южная Осетия”.

Дополнительное измерение проблеме придает принципиальная новизна постсоветских рубежей в целом: на отказ (осознанный или нет) видеть в Абхазии и Южной Осетии части Грузии зачастую накладывается такой же отказ видеть в Грузии подлинно независимое государство. В результате вокруг образов абхазского и югоосетинского отрезков границы сплетается сложный клубок мотивов и смыслов, формирующий более или менее устойчивый и целостный дискурс. Для краткости при его обозначении далее будут использоваться условные словосочетания “абхазский дискурс” и “югоосетинский дискурс”.

В общем массиве соответствующих публикаций в НГ за исследуемый период статьи, посвященные непосредственно вопросам границ России и Абхазии/Южной Осетии, встречаются сравнительно редко. Искомый дискурс образуют сюжеты более общего характера, в которых интересующая тема подается в контексте освещения разного рода политических, экономических, социальных и прочих событий и явлений. Можно сказать, что практически любое развернутое упоминание Абхазии или Южной Осетии в газете вносит вклад в формирование дискурса фокусных границ. Доля таких публикаций в суммарном числе статей, затрагивающих вопросы рубежей России, в среднем за

³ Подробнее о парадоксе международного признания – см. [7]; о феномене квазигосударств – см. [9].

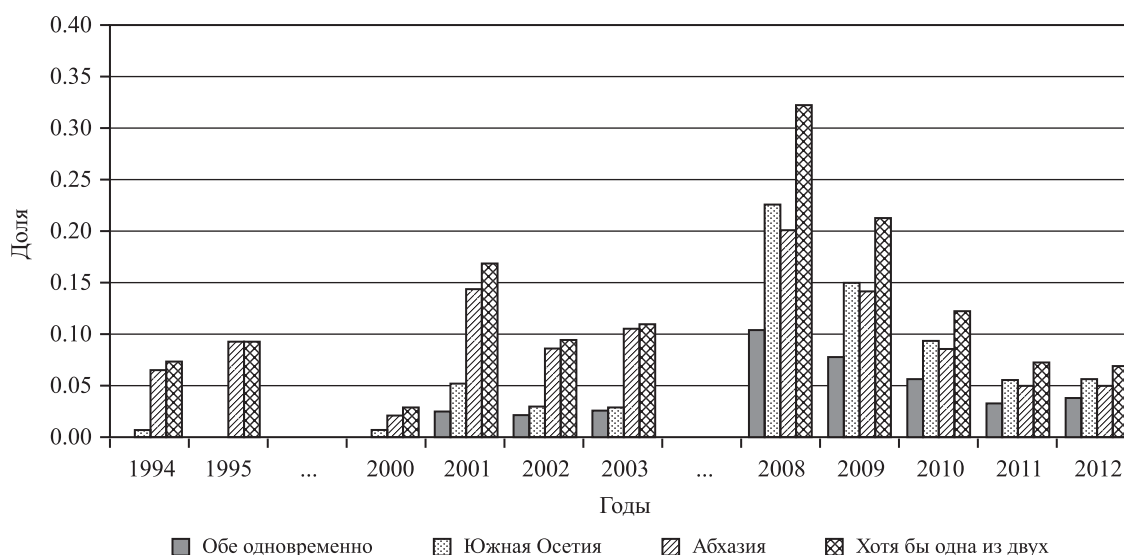

Рис. 1. Доля сюжетов с упоминанием Абхазии и Южной Осетии в общем числе отобранных публикаций за год (составлено авторами по материалам исследования).

год колеблется в диапазоне 7–20%, предсказуемо возрастаю по мере роста напряженности в одном из регионов и столь же предсказуемо падая в периоды затишья (рис. 1). Максимального значения показатель достиг в 2008 г. (война в Южной Осетии), когда почти в трети отобранных статей поднималась тема спорных кавказских границ. Второй, менее выраженный, пик интереса к вопросу приходится на 2001 г. – год ввода Россией визового режима с Грузией. В остальные периоды налицо снижение интереса к теме.

Сравнение графиков изменения упоминаемости Абхазии и Южной Осетии (как вместе, так и по отдельности) в общем числе статей “границной” тематики позволяет сделать следующие выводы:

- отдельно взятые абхазский и югоосетинский дискурсы изменяются синхронно, переживая одни и те же периоды подъема и спада, хотя и с разными значениями показателя упоминаемости;
- своеобразной точкой бифуркации в эволюции дискурсов выступает пиковый 2008 г.: до него сюжеты с упоминанием Абхазии заметно превосходили по численности сюжеты с упоминанием Южной Осетии, после него соотношение сменилось на противоположное, хотя уже к 2009 г. доминирование югоосетинской тематики стало ничтожным;
- только применительно к 2010–2012 гг. можно говорить о действительном сращении дискурсов: югоосетинский дискурс в полной мере развился лишь в 2008 г. и до 2010 г. существовал в основном автономно от абхазского.

Отдельно стоит рассмотреть соотношение количества сюжетов с упоминанием Абхазии и Южной Осетии и количества сюжетов с упоминанием каждой из мятежных республик вместе с Грузией (рис. 2).

Дискурсы демонстрируют удивительное единообразие в характере эволюции: до 2008 г. ни Абхазия, ни Южная Осетия практически не встречались на страницах НГ вне контекста материнского государства. Война в Южной Осетии и последовавшее за ней признание Москвой независимости двух республик нарушили эту связь: в 2008 г. графики в обоих случаях резко разошлись, чтобы вновь сблизиться к 2009 г.

Иными словами, 2008 г. характеризовался появлением в дискурсе обновленных образов Абхазии и Южной Осетии как полностью самостоятельных акторов, восприятие которых уже не требовало обращения к мотиву конфликта с Грузией в качестве поясняющего фона. Вместе с тем в остальные годы материнское государство присутствовало, как минимум, в 2/3 сюжетов – т.е. в мирное время образ Грузии оставался важной составляющей как абхазского, так и югоосетинского дискурсов.

Анализ внутренней структуры дискурса: четыре уровня. Ядром всякого центрированного дискурса служит образ стержневой категории. Государственная граница может представлять в сюжетах в совершенно разных ипостасях, начиная от одного из полюсов элементарной дихотомии “линия отчуждения – линия контакта”, заканчивая сложными опосредованными конструкциями (граница как “серая зона”, граница как гарант экономического благополучия государства, граница как

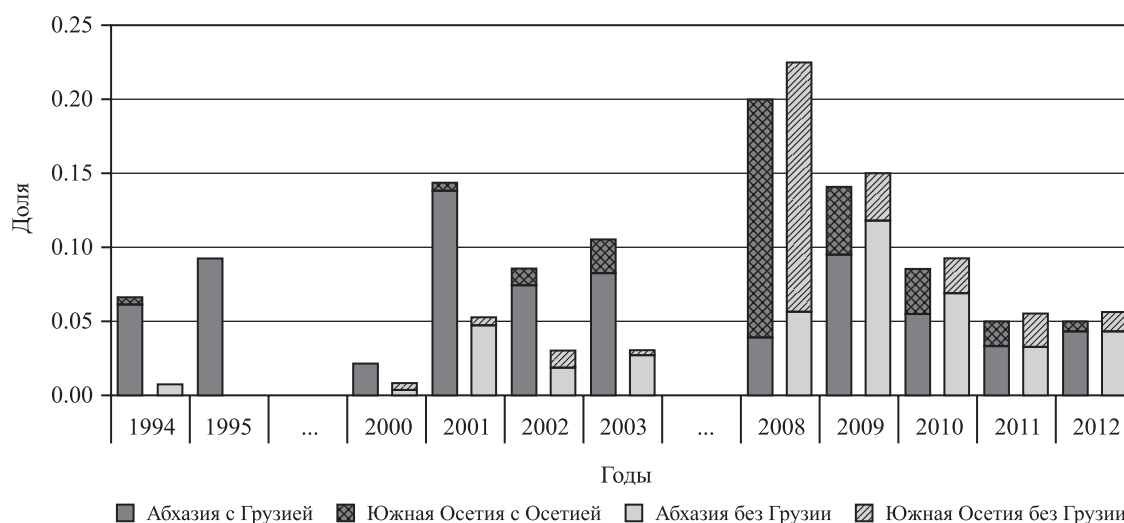

Рис. 2. Доля сюжетов с упоминанием различных комбинаций Абхазии, Южной Осетии и Грузии в общем числе отобранных публикаций за год (составлено авторами по материалам исследования).

предмет политического торга и т.п.). В то же время любой такой ракурс обладает дополнительным масштабным измерением, зависящим от того, что именно разделяет граница в той или иной статье: суверенные государства, приграничные районы соседних держав или же наднациональные союзы и блоки, а порой и существующие де-факто политики, в общем случае лежащие вне контуров традиционной политической карты. В соответствии с этим меняется и восприятие масштаба самих границ: речь в сюжете может идти о границе-линии, границе-полосе, границе-регионе. Чем менее четко обозначается статус границы, чем более расплывчатой и пластичной она видится, тем шире размах подобных колебаний. Образы абхазского и югоосетинского участков границы России представляют собой хорошую иллюстрацию к этим утверждениям.

Сравнительно целостный абхазский/югоосетинский дискурс, формируемый НГ, расслаивается на четыре масштабных уровня, каждому из которых соответствует свой набор ключевых образов и мотивов. Граница может восприниматься как граница России и Абхазии/Южной Осетии, как граница России и Грузии, как граница России и условного Запада, а также как граница Северного и Южного Кавказа. В первом случае граница фигурирует в сюжетах как линия на карте и местности, во втором – и как линия, и как регион, охватывающий всю территорию Абхазии и Южной Осетии (т.е. и как линия соприкосновения пространств России и Грузии, и как зона их наложения), в третьем – только как регион. В четвертом случае речь скорее идет об отказе от границы, нарушающей единство кавказского макрорегиона. Помимо этих масштаб-

ных уровней, в статьях проявляются и другие, однако их вклад в развитие дискурса выражен куда меньше.

Необходимо специально подчеркнуть, что данные срезы не являются полностью автономными – наоборот, раскрытие едва ли не любого из образов ведет к подъему на новый уровень. Можно говорить о существовании некоторой иерархической системы образов, каждый из которых формирует основу для образа более высокого порядка. И хотя в одних случаях такого рода зависимости и переходы проявляются сильнее, а в других – слабее, дискурс остается монолитным и структурированным.

Важнейшую роль в сохранении целостности дискурса играют сквозные мотивы, служащие своего рода вертикальными стержнями, скрепляющими всю иерархическую конструкцию. Сквозные мотивы участвуют в образовании дискурса в каждом из четырех срезов, хотя и в принципиально видоизмененной форме. Мотивы нижнего уровня проецируются на более высокие, принимая соответствующую центральному образу форму, что обеспечивает их взаимосвязанность, а также единство и структурированность всего дискурса.

Граница России и Абхазии/Южной Осетии. Восприятие фокусных границ как линий раздела территорий России и Абхазии/Южной Осетии характерна для позиции Сухуми или (реже) Москвы. В исследуемые годы соответствующий образ возник в сюжетах НГ преимущественно в контексте обсуждения перспектив интеграции политий. Граница здесь выступала как картографическое воплощение реальных или потенциальных проблем, затрудняющих процессы сближения и сращения

пространств. Прежде всего это касалось вопросов **юридической интеграции** – хотя напрямую данная тема поднималась не так часто, она оставалась одним из краеугольных камней всего дискурса.

В большинстве сюжетов юридическая интеграция (в основном в форме установления ассоциированных отношений) преподносилась как один из возможных вариантов развития событий, не слишком вероятный, но обладающий достаточным потенциалом для того, чтобы быть использованным как рычаг давления. Инициатором консолидации изображались власти непризнанных государств (в разные годы курс озвучивал президент⁴ Абхазии Владислав Ардзинба⁵, президент Южной Осетии Эдуард Кокойты⁶, премьер-министр Абхазии Рауль Хаджимба⁷; кроме того, в 2002 г. Сухуми и Цхинвали официально обращались к руководству РФ с подобной просьбой⁸), а аргументация выстраивалась вокруг волеизъявления местных жителей. В отношении Южной Осетии также активно использовался мотив воссоединения осетинского народа в рамках единого государства (см. далее). В качестве гипотетического механизма интеграции предлагалось, в том числе, вхождение республик в состав Союза (Союзного государства) России и Белоруссии⁹.

Мотиву юридической интеграции сопутствовал (а где-то и противостоял) более популярный мотив **фактической интеграции**, обычно изображаемой в НГ как процесс конструктивный, актуальный и естественный, иногда – как вынужденный паллиатив по отношению к объединению де-юре. Наиболее ярко он проявлялся в сюжетах, посвященных теме паспортизации населения Абхазии и Южной Осетии. Подобные статьи встречались в газете в течение всего рассматриваемого периода. До 2008–2010 гг. речь шла преимущественно о выдаче жителям регионов российских документов,

после же признания Россией суверенитета республик акценты частично сместились на проблему скорейшего распространения среди населения абхазских (в большей степени) и югоосетинских (в меньшей степени) паспортов международного образца, как заграничных, так и внутренних. При этом подоплека вопроса по сути не изменилась: как подчеркивал вице-президент Абхазии Александр Анкваб, “... чем быстрее у людей появятся абхазские загранпаспорта, тем быстрее для жителей республики, не имеющих российских паспортов, будет снята проблема с пересечением российско-абхазской границы”¹⁰.

“Паспортная интеграция” в любой ее форме способствовала, в первую очередь, стиранию рубежей между Россией и Абхазией/Южной Осетией. Если собственные абхазские или югоосетинские паспорта помогали решить эту задачу в сугубо “механическом” ключе, то выдача российских паспортов обеспечивала уже значительно более глубокую консолидацию, граничащую с юридическим слиянием – по замечанию одного из авторов издания, «... за последнее десятилетие большая часть населения Южной Осетии постепенно “превратилась” в россиян, явочным порядком приняв российское гражданство»¹¹.

В 2000 г. в дискурсе появилась еще одна грань мотива, также связанная с проблемами пересечения жителями Абхазии и Южной Осетии российской границы, – тема введения Москвой визового режима с Грузией. Хотя фокус данной сюжетной линии располагался вдали от спорных рубежей, в плоскости конкретики грузино-российских отношений и абстракции постсоветской интеграции, акцент на предоставление льготных условий населению спорных регионов внес в него весомую локальную компоненту¹².

События 2008 г. придали мотиву новый импульс – предвкушение присоединения республик к России проявилось, в том числе, в расширении спектра областей возможной фактической интеграции (например, в рамках единого денеж-

⁴ Здесь и далее должности указаны на момент выхода приводимых публикаций.

⁵ Тесемникова Е. Абхазия де-юре и де-факто – независимое государство. Интервью с В. Ардзинбой // 23.10.2001. http://www.ng.ru/sodrf/2001-10-23/7_state.html

⁶ Гордиенко А. Южная Осетия рвется в состав России // 09.07.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-07-09/5_osetia.html

⁷ Байкова Е. Рауль Хаджимба: “Абхазия по-прежнему стремится стать частью России” // 01.12.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-12-01/6_hadgimba.html

⁸ Рублева Т., Гордиенко А. Передел границ СНГ стартовал на Кавказе // 07.10.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-10-07/1_sng.html

⁹ Тесемникова Е., Ханбабян А. “В возобновлении грузино-абхазского конфликта никто не заинтересован”. Интервью с В. Ардзинбой // 18.05.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-05-18/5_nobody.html; Симонян Ю. Абхазия хочет в Союзное государство // 15.07.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-07-15/1_abhazia.html

¹⁰ Граждане Абхазии скоро получают загранпаспорта с высокой степенью защиты // 14.04.2010. http://www.ng.ru/cis/2010-04-14/7_abhazia.html

¹¹ Медоев Д. Важный фактор региональной стабильности // 10.10.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-10-10/5_factor.html

¹² См., к примеру, Ханбабян А. Введение визового режима неизбежно // 10.11.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-11-10/1_vises.html; Рокотов В. Еще один фактор влияния // 16.01.2001. http://www.ng.ru/cis/2001-01-16/5_factor.html

ного¹³ или образовательного¹⁴ пространства) – однако уже в 2009 г. подобные сюжеты сошли со страниц издания.

Третий мотив, формирующий абхазский и югоосетинский дискурс на нижнем уровне, – это мотив **функциональной интеграции**. Если в первых двух случаях граница изображалась как юридическая формальность, лишняя линия на карте, то здесь, напротив, она представляла интерес как локализованный на местности объект, действительное препятствие, мешающее свободному перемещению людей, товаров и информации. Тематика сюжетов отличалась разнообразием: проблема беженцев, обострившаяся после 2008 г.; вопросы налаживания транспортных коммуникаций и увеличения пропускной способности отдельных контрольно-пропускных пунктов¹⁵; проекты организации поставок стройматериалов из приграничных районов Абхазии на олимпийские объекты в Сочи¹⁶ или открытия магистрального газопровода из Северной Осетии в Южную, подаваемого как *“очередной важный этап интеграции Южной Осетии в российскую экономику”*¹⁷.

Хотя образ границы как фокуса разноплановой интеграции отчетливо доминировал на нижнем уровне дискурса на протяжении всего изучаемого периода, после 2008 г. начал набирать силу противоположный ему образ границы как линии разделения взаимно признаваемых суверенитетов. В 2009–2010 гг. Абхазия превратилась в полноценного актора, чья позиция по отношению к России более не сводилась к безоглядному стремлению к сближению. Освещалось **сопротивление интеграции** – как локальной квазигосударственной (сюжеты о территориальных спорах вокруг приграничного урочища Аигба¹⁸), так и полномасштабной фактической (сюжеты о неприятии отдельными кругами Абхазии передачи России ключевых объектов инфраструктуры¹⁹ и в

целом скупки россиянами земли в регионе²⁰). Такие лексические конструкции, как *“начало процесса “деколонизации Абхазии”*²¹ и *“опасения по поводу фактического поглощения республики Россией”*²², говорят сами за себя. Словом, к концу периода составной дискурс предстал уже не столь однобоким.

Граница России и Грузии. С переходом на второй масштабный уровень точка зрения на фокусные границы переместилась в Тбилиси, а образ границы-линии, разделяющей две соседние политии (в данном случае – Россию и Грузию), оказался в тени образа границы-полосы, “серой зоны” на стыке двух пространств. Граница-линия полностью дискурс не покинула, однако область привлечения образа в основном ограничилась освещением попыток Грузии добиться совместного контроля над спорными рубежами. Доступ к границе служил индикатором суверенитета над территорией, что делало его едва ли не главным предметом политического торга (на другую чашу весов помещался, к примеру, вопрос членства России в ВТО²³). Прочие контексты использования образа – возвращение в Абхазию грузинских беженцев из России или восстановление транспортного сообщения через проблемную границу – роли в общем дискурсе не играли.

Образ границы-полосы, охватывающей территорию обоих квазигосударств, оказался более популярным. В рамках соответствующего дискурса Абхазия и Южная Осетия представляли условными точками, лишенными как внутренней дифференциации, так и активного начала, превратившимися в однородные и пассивные объекты внешнеполитических отношений двух государств, что в полной мере отражало позицию Грузии: *“реальность такова, что надо говорить не о грузино-абхазском, а о грузино-российском противостоянии в этом регионе”*²⁴. Эти отношения можно охарактеризовать как “асимметричный территориальный спор”: Тбилиси обвиняло Россию в попытках захвата территорий, Москва обвинения отвергала. Мотив поглощения Россией спорных регионов сформировал ядро данного сегмента дискурса, фактически представляя собой проекцию мотива интеграции политий на более высокий иерархический уровень.

²⁰ Гамова С. Абхазия не хочет отдавать России пляжи // 24.08.2010. http://www.ng.ru/cis/2010-08-24/1_abkhazia.html

²¹ Там же.

²² См. сноску 20.

²³ Гордиенко А. У Сухуми и Цхинвали не спросили // 27.02.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-02-27/10_suhumi.html; Рокс Ю. Грузинский заслон на пути в ВТО // 10.03.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-03-10/1_gruzia.html

²⁴ Гордиенко А. Ни войны, ни мира // 16.06.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-08-16/5_tbilisi.html

¹³ Симонян Ю., Наумов И. Абхазия безофшорная, зато рублевая // 07.10.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-10-07/1_abhazia.html

¹⁴ Самарина А., Родин И., Сергеев М. Российский бюджет признал Южную Осетию // 20.08.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-08-20/1_budget.html

¹⁵ Перевозкина М. Абхазия открывает границы // 08.04.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-04-08/10_abhazia.html

¹⁶ Там же.

¹⁷ Перевозкина М. Осетины объединились трубой // 03.05.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-05-30/1_osetiny.html

¹⁸ Рокс Ю. Урочище противоречий // 01.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-01/1_abhazia.html; Серенко А. Неопределенное урочище // 09.06.2011. http://www.ng.ru/regions/2011-06-09/5_aibga.html

¹⁹ Симонян Ю. Абхазская оппозиция опасается ассимиляции // 22.05.2009. http://www.ng.ru/politics/2009-05-22/1_abhazia.html

Ключевая особенность мотива – его принципиальная неделимость: любое сближение признанных республик с Россией, независимо от его природы, преподносилось как прямая попытка аннексии регионов де-юре. Понятие аннексии играло в сегменте дискурса ведущую роль: использование его в риторике официального Тбилиси выходило за любые рамки.

Перспективы юридического присоединения регионов к России в пределах рассматриваемого дискурса обсуждались редко, что объясняется как отсутствием хотя бы намеков на поддержку проекта со стороны Москвы, так и тем, что такой расклад попросту не нуждался в дополнительной критике (фразы вроде *“присоединение Южной Осетии к России – это, по сути, аннексия части территории Грузии”*²⁵ выглядят утверждением очевидного). В то же время в необходимом свете (хоть и без привлечения термина “аннексия”) подавалось признание суверенитета Абхазии и Южной Осетии – действие противоположное поглощению²⁶. Подобный исход – уже с использованием традиционной лексики – ожидался еще до собственно акта признания: *“если Россия признает независимость Абхазии и Южной Осетии, то Грузия заявит, что это акт аннексии”*²⁷.

Повсеместные указания на оккупацию (присоединение де-факто) Россией Южной Осетии после войны 2008 г. выглядели вполне естественно. Они закрепились даже в постановлении парламента Грузии “Об оккупированных Россией грузинских территориях” (включение сюда же Абхазии уже более спорно)²⁸. Термин “оккупация” в целом нередко использовался для обозначения разнообразных форм фактического объединения республик с Россией (см, к примеру, такие высказывания, как *“создание военной морской базы в Очамчире – часть оккупационного плана России”*²⁹ или *“это экологическая оккупация, в которую перешла военная оккупация”*³⁰), однако большинство при-

водимых цитат опиралось на привычные отсылки к аннексии.

Массовую выдачу жителям Абхазии и Южной Осетии российских паспортов президент Грузии Эдуард Шеварднадзе обозначил как *“скрытую аннексию и нарушение суверенитета Грузии”*³¹. Введение избирательного льготного визового режима для населения отколовшихся регионов было определено как *“аннексия грузинских территорий Россией”*³². Намерение России наладить сотрудничество с Сухуми по вопросам экстрадиции россиян, отбывающих наказание в абхазских тюрьмах, стало поводом для обвинений Москвы в *“ползучей аннексии Абхазии”*³³. Во вводе в Абхазию железнодорожных войск РФ увидели *“широкомасштабную военную интервенцию с целью аннексии и оккупации территории Грузии”*³⁴. Оценивая процессы открытия железной дороги в Абхазию и предоставления жителям региона российского гражданства, спикер грузинского парламента Нино Бурджанадзе подчеркнула: *“на правовом языке это называется аннексией территории”*³⁵. На этом фоне сравнения с аннексией визитов в проблемные регионы премьер-министра РФ Владимира Путина и главы МИД РФ Сергея Лаврова уже не кажутся странными³⁶.

До обострения российско-грузинских отношений в качестве альтернативы бескомпромиссному спору вокруг Абхазии предлагалось превращение ее в кондоминиум, двойной протекторат России и Грузии, по примеру Андорры. При всей любопытности идея выглядела пророссийским паллиативом: Абхазия виделась как *“самостоятельное государство в двойном подчинении”*³⁷, обладающее, между прочим, членством в ООН.

Граница России и Запада. Дискурс, связанный с рассмотрением фокусных границ в контексте примыкания к России условного пространства полуабстрактного Запада, отличает ряд особен-

²⁵ Гордиенко А. Аргументы Дмитрия Санакоева // 04.02.2008. http://www.ng.ru/courier/2008-02-04/16_arguments.html

²⁶ Симонян Ю. Односторонний разрыв // 27.08.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-08-27/2_tbilisi.html; Гордиенко А. Грузия сжигает последние мосты // 01.09.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-09-01/7_georgia.html

²⁷ Самарина А. Алексей Арбатов: “Россия может остаться в гордом одиночестве” // 12.08.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-08-12/4_arbatov.html

²⁸ Симонян Ю. Парламент Грузии объявил Абхазию и Южную Осетию оккупированными // 29.08.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-08-29/5_georgia.html

²⁹ Симонян Ю. Черноморский флот дрейфует в Очамчире // 27.01.2009. http://www.ng.ru/politics/2009-01-27/1_flot.html

³⁰ Симонян Ю. Россия аннексирует озеро Рица // 26.08.2009. http://www.ng.ru/cis/2009-08-26/1_rizza.html

³¹ Гордиенко А. Госдума опять напугала Грузию // 17.06.2002. http://www.ng.ru/cis/2002-06-17/6_tbilisi.html

³² Тесемникова Е. Грузия “поднимает крик” на весь мир // 29.11.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-11-29/5_annexia.html

³³ Симонян Ю. Тбилиси обвиняет Москву в аннексии // 16.04.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-04-16/9_gruzia.html

³⁴ Симонян Ю. Грузия обвиняет Россию в агрессии // 02.06.2008. http://www.ng.ru/cis/2008-06-02/8_georgia.html

³⁵ Панфилова В. Грузия в ожидании денег. Интервью с Н. Бурджанадзе // 23.01.2003. http://www.ng.ru/cis/2003-01-23/1_georgia.html

³⁶ Симонян Ю. Безопасность Абхазии дорогого стоит // 13.08.2009. http://www.ng.ru/cis/2009-08-13/1_Abkhazia.html; Симонян Ю. Абхазия готовится к тройному признанию // 27.04.2011. http://www.ng.ru/cis/2011-04-27/1_abkhazia.html

³⁷ Пилюя Д. Модель для горячих точек // 04.08.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-08-04/5_model.html

ностей. Во-первых, отсутствие у Запада четкой территориальной привязки затрудняло восприятие его границ как линейных объектов – даже если свести образ Запада к более конкретному образу НАТО. Граница России и НАТО может проходить по территории Абхазии и Южной Осетии, даже по территории Грузии, но не по реке Псоу. Во-вторых, данный дискурс не был жестко увязан с какой-либо точкой зрения на конфликт и в равной степени годился для демонстрации позиции и Абхазии, и Грузии, и России.

Основу дискурса составлял мотив сближения Грузии с НАТО, превращавший абхазский и югоосетинский конфликты в эпизоды глобального противостояния России и Запада. Под таким углом зрения Грузия виделась ареной непосредственного столкновения сторон³⁸, а оба квазигосударства – узловыми форпостами Москвы на спорной территории³⁹ и ключевыми картами в Большой геополитической игре. Факт торго обозначался вполне недвусмысленно: *“если НАТО, в нарушение своего же устава, заявит о приеме Грузии в свое братство, то первым ответом России, по всей видимости, станет признание независимости Абхазии и Южной Осетии – с последующим размещением там своих военных баз”*⁴⁰. Даже в официальном заявлении Государственной Думы РФ содержалась прямая угроза в случае вступления Грузии в НАТО *“рассмотреть возможность ускоренного объективного процесса их [Абхазии и Южной Осетии] суверенизации, вплоть до признания их независимости согласно волеизъявлению населения”*⁴¹. Интересно, что практически все стороны конфликта связывали действия России в 2008 г. с фактором НАТО, только в одних устах это звучало как оправдание⁴², а в других – как обвинение⁴³. Аналогичным образом будущее спорных регионов ставилось в зависимость от отношений Тбилиси и Вашингтона.⁴⁴

Граница Северного и Южного Кавказа. Четвертый базовый образ фокусных границ несколько

выбивается из общего иерархического и логического ряда. Это образ не столько “границы между”, сколько “границы внутри”, в большей степени соединяющей, чем разделяющей пространства по обе ее стороны. Мотив имманентной целостности кавказского региона, во многом определяющей политическую ситуацию внутри него, раскололся на множество составляющих, частично вписывающихся и в рамки абхазского/югоосетинского дискурсов.

Прежде всего, речь идет о геополитическом единстве региона, крепко увязывающем Грузию и мятежные республики с Россией: безопасность здесь одна на всех, *“нестабильный Кавказ – это нестабильный юг России”*⁴⁵. Лейтмотив такого рода сюжетов прост: любые потрясения на территории Абхазии, Южной Осетии или Грузии в целом негативно влияют на южные субъекты Федерации, прежде всего на Чечню. Шеварднадзе активно использовал эти доводы для того, чтобы убедить Россию в ее собственной незаинтересованности в разжигании конфликтов в регионе: *“отделение Абхазии от Грузии и ее тесная связь с северокавказскими республиками фактически приведет к расширению и усилению такой крайне взрывоопасной политической единицы, как Северный Кавказ, и так напичканной радикальными идеями”*⁴⁶. В свою очередь Ардзинба прибегал к тем же аргументам, стремясь обосновать уже необходимость присутствия России в Абхазии: *“стабильность в Кавказском регионе, в частности в Абхазии, соответствует интересам национальной безопасности России”*⁴⁷.

Второй мотив, удачно вписавшийся в данный сегмент дискурса, – это мотив воссоединения разделенного осетинского народа. Популистская риторика права народа на воссоединение прекрасно легла в русло аргументации включения Южной Осетии в состав России⁴⁸. О вероятной дестабилизации ситуации вследствие подобного шага вспоминалось гораздо реже⁴⁹. Вместе с тем образ разделенного народа использовался и для поддержки проектов по фактической и функциональной интеграции⁵⁰.

³⁸ Тесемникова Е. Тамаз Надарейшвили: “Абхазия нас поссорила, она же нас помирит” // 29.07.2000. http://www.ng.ru/cis/2000-07-29/5_tamaz.html

³⁹ Родин И. Дума снизила градус // 21.03.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-03-21/4_duma.html

⁴⁰ Плугатарев И. Может дойти до пролития крови // 23.01.2008. http://nvo.ng.ru/nvo/2008-01-23/12_georgia.html

⁴¹ См. сноску 40.

⁴² Петровская Ю. Югоосетинский прецедент // 11.08.2008. http://www.ng.ru/politics/2008-08-11/4_pretsedent.html

⁴³ Сурков Н. Вашингтон предупредил Москву о последствиях // 11.08.2008. http://www.ng.ru/world/2008-08-11/6_usa.html

⁴⁴ Мухин В. Содружество милитаризованных государств // 17.03.2010. http://www.ng.ru/cis/2010-03-17/1_military.html

⁴⁵ Решение Совета Федерации Эдуард Шеварднадзе назвал победой разума // 23.06.1994.

⁴⁶ Председатель Временного комитета по чрезвычайному положению Джаба Иоселиани напоминает об обстоятельствах присоединения Грузии к России // 01.04.1994.

⁴⁷ Тесемникова Е. “Абхазия де-юре и де-факто – независимое государство”. Интервью с В. Ардзинбой // 23.10.2001. http://www.ng.ru/sodr/2001-10-23/7_state.html

⁴⁸ См. сноски 9, 40.

⁴⁹ Малащенко А. Привычное состояние нестабильности // 08.10.2008. http://www.ng.ru/ideas/2008-10-08/7_nestabilnost.html

⁵⁰ Рокотов В. Еще один фактор влияния // 16.01.2001. http://www.ng.ru/cis/2001-01-16/5_factor.html

Не последнюю роль в структуре дискурса играет маргинальный мотив обеспечения целостности региона посредством... присоединения Абхазии и Южной Осетии, предотвратившего бы *“расползание войны в другие регионы”*⁵¹. Важность данного мотива состоит в том, что он представляет собой проявление мотива интеграции/аннексии в данном сегменте дискурса. Мотив интеграции – наиболее ярко выраженный пример сквозного мотива, красной нитью проходящего через все уровни дискурса: мотив интеграции России и Абхазии/Южной Осетии – мотив поглощения Абхазии и Южной Осетии Россией – мотив превращения Абхазии и Южной Осетии в форпосты России на территории Запада – и, наконец, мотив скрепления кавказского региона посредством аннексии Абхазии и Южной Осетии. Видны и другие сквозные мотивы – к примеру, воссоединения осетинского народа, преподносимого и как базис для интеграции, и как повод для аннексии, и как оружие в геополитической борьбе, и как инструмент для стабилизации. Можно выявить и другие вертикальные мотивы, скрепляющие четырехэтажную пирамиду.

Заключение. “Абхазскую” и “югоосетинскую” границы никак нельзя назвать ординарными участками российского порубежья. Даже такая, на первый взгляд, элементарная процедура, как отнесение их к той или иной категории политических границ, способна поставить исследователя в тупик. Во-первых, границы одновременно являются и государственными, и псевдогосударственными, поскольку они отделяют суверенную Россию как от суверенной Грузии, так и от двух скорее несuverенных, чем наоборот, квазигосударств. Во-вторых, с точки зрения собственно России (а также Венесуэлы, Никарагуа и Науру – и самих Абхазии и Южной Осетии) это – обычные государственные границы, разделяющие признанные государства. В-третьих, в существовании де-факто данных границ легко усомниться – слишком велика на настоящий момент степень фактической интеграции республик с северным соседом.

Неудивительно, что за данными границами тянется длинный шлейф мотивов и образов, порой разительно отличающихся друг от друга. Дело здесь также и в том, что банально не известно, как на них смотреть. Исследованию псевдогосударственных границ (тем более – границ “смешанных”), как и де-факто границ вообще, в политической географии уделяется удручающе мало

внимания. Авторы склонны оперировать “площадными” категориями, рассуждая, в первую очередь, о самих квазигосударствах, либо же о многообразных “серых зонах” и “неконтролируемых территориях”⁵², тогда как специфика границ рассматриваемых объектов удостоивается в лучшем случае упоминания (см., к примеру, [8, 12, 13]). В результате образуется концептуальный вакуум, затрудняющий не только изучение, но даже и простое восприятие псевдогосударственных границ.

В таких условиях неоценимым источником информации о характере господствующих представлений о “сложных” границах становится пресса, выступающая репрезентацией любых процессов, протекающих в общественном сознании. Именно страницы газет отражают весь спектр подходов к восприятию фокусных границ. Именно систематизированная тематическая подборка публикаций служит надежной основой для выдвижения гипотез и построения концепций. Именно анализ дискурса, образуемого авторитетным периодическим изданием вокруг определенного участка границы, способен выявить несущую структуру в растущем конгломерате связанных с ним образов и мотивов, выделить среди них базовые и второстепенные, сквозные и локальные. И хотя представления в строгом смысле слова не являются элементами реальности, они принимают непосредственное участие в ее формировании – ведь именно в соответствии с ними и выстраивается жизнь общества.

Благодарности. Статья подготовлена в Институте географии Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03621 “Российское пограничье: вызовы соседства”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. *Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67.
3. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 6(46). С. 255–274.

⁵¹ *Бестаев Р.* Кремль – за целостность Грузии. А выгодно ли это России? // 09.12.1995.

⁵² Подробнее о феномене неконтролируемых территорий – см. [10].

4. Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170–186.
5. Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис: Политические исследования. 2014. № 2. С. 146–163.
6. Колосов В.А. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 3(3). С. 44–49.
7. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.
8. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2(48). С. 64–72.
9. Попов Ф.А. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 78–86.
10. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
11. Kolossov V. and Toal G. An Empire's Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture // Eurasian Geography and Economics. 2007. Vol. 48. № 2. P. 202–225.
12. McColl R.W. The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution // Annals of the American Association of Geographers. 1969. Vol. 59. № 4. P. 613–631.
13. Mylonas H. and Ahram A.I. De Facto States Unbound // PONARS Eurasia Policy Memo № 374, 2015. http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm374_Mylonas-Ahram_August2015_0.pdf
14. O'Loughlin J., Kolossov V., and Toal G. Inside Abkhazia: Survey of Attitudes in a *De Facto* State // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27. № 1. P. 1–3.
15. O'Loughlin J., Kolossov V., and Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: A comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia and Transnistria // Eurasian Geography and Economics. 2014. Vol. 55. Issue 5. P. 423–456.

The Border of Russia with Abkhazia and South Ossetia in Four Scales (the Analysis of Political Discourse)

T.A. Galkina and F.A. Popov

*Institute of Geography, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
e-mail: ta@df.ru, fpopov15@gmail.com*

The article is devoted to the study of social representations about Abkhazian and South Ossetian sections of the border of the Russian Federation through the analysis of relevant discourse that is formed by *Nevzavisimaya Gazeta*. The study was based on a database of publications collected during the continuous content analysis of edition in three periods: 1994–1995, 2000–2003 and 2008–2012. The unclear legal status of the disputed segments of the border determines the multiplicity of approaches to their perception. Four basic images of border corresponding to four scale levels of discourse are identified: the border of Russia and Abkhazia/South Ossetia, the border of Russia and Georgia, the border of Russia and the West, the border of North and South Caucasus. Different levels of discourse can reflect different points of view on the conflict (Russian, Georgian, Abkhazian/South Ossetian), differ by the nature of spatial perception of border (line or stripe), etc. Each segment of the discourse has its own set of nodal motifs. Some of the motifs act as “vertical” (cross-cutting) in a modified form participating in the formation of discourse at each level (integration of Russia and South Ossetia – annexation of South Ossetia by Russia – struggle between Russia and the West for influence in the South Caucasus – preservation of the unity of the Caucasian region). This ensures the interconnection of images, the unity and structuring entire studied discourse.

Keywords: political geography, limology, political border, discourse, Abkhazia, South Ossetia, Georgia.

doi:10.15356/0373-2444-2016-4-109-118